

На правах рукописи

ТАТАРИНОВА Ольга Вадимовна

**АПОФАТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЭТИКЕ ОБЭРИУТОВ
И РУССКИХ ПОСТАВАНГАРДИСТОВ**

Специальность 10. 01. 01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар 2018

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
СВИТЕНКО Наталья Вячеславовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

ШУЛЬЖЕНКО Вячеслав Иванович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

ОСТАНКОВИЧ Анатолий Вячеславович

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Защита диссертации состоится 22 декабря 2018 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д. 212. 101. 04 по филологическим наукам при Кубанском государственном университете по адресу: 350018 г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, и на сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Патюкова Р. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации, посвященной проблеме апофатической поэтики в художественном дискурсе, исследуется творчество русских поэтов XXXXI веков: А. Введенского, Д. Хармса, Г. Сапгира, А. Монастырского, Л. Рубинштейна, А. Герасимовой.

Понятие «апофатический» используется в расширительном смысле. «Апофатика» или «апофазис» – богословский термин, который входит в филологию на правах востребованной стратегии. Разумеется, теологические принципы отрицания рациональной, формульно познаваемой природы Божества сохраняются; приближение к истине, к гносеологическому ядру через негативные суждения, в акте резкого повышения статуса отрицания становится нормой. Однако в рамках принципиального соответствия научной специальности *10.01.01 – русская литература* не менее важен лингвистический аспект апофатических практик, когда разнообразные языковые формы отрицания, лексемы негативного движения в сфере познания вступают в силу и определяют поэтику текста. В этом плане теория и практика негации взаимодействует с хаотическими (разрушение на уровне сюжета и формы), эпистемологическими (когда автор констатирует познавательную неустойчивость, неопределенность), апокалиптическими (моделируется «настроение конца») и экзистенциальными мотивами.

Актуальность исследования. 1) В современной культуре, ведущей поиск новых моделей синтеза и модернизации классических традиций, становление поэтического авангарда (как и его изучения) – проблема, решение которой способно выявить значительные идейно-художественные тенденции эпохи, связанные с теорией и практикой негации. 2) Изучение поэзии авангарда и поставангарда в контексте проблемы апофазиса позволяет увидеть второй (неклассический) полюс негации, на котором серьезность и значительность духовных интенций корректируется игровыми технологиями в границах поэзии. 3) Акцентированное рассмотрение поэзии А. Введенского, Д. Хармса, Л. Рубинштейна, Г. Сапгира, А. Монастырского и А. Герасимовой в пространстве становления апофатического метода как теоретической проблемы способствует познанию художественных миров не только как литературных, но и как мировоззренческих феноменов. 4) В контексте закономерных споров о путях развития искусства, о преодолении кризиса, связанного с длительным влиянием постмодернизма, диссертационное исследование обращает внимание на возможность важной коррекции итоговых суждений при решении проблемы «модернизм/постмодернизм и традиция». 5) Значимым представляется обращение к проблеме судьбы художественного сюжета и

самой образной системы и в том случае, когда апофатические тенденции нарастают, формально разрушая или деконструируя структуру произведения.

Степень изученности проблемы. Творчество ОБЭРИУтов изучалось представителями различных гуманитарных дисциплин: литературоведами, лингвистами, философами, культурологами. В частности, на языковые особенности поэтического мира А.И. Введенского обращали внимание Г.С. Павлов¹, А.В. Десятова² (рассмотрены норма и аномалия в языке поэта, образующие абсурд, алогизм), отмечали проводимую обэриутом поэтическую критику языка, отрицание референтности языка, его несоотнесенности с реальностью (Е.В. Осташевский³).

Исследователи поэтики А. Введенского настаивают на неразрывности изучения поэтического языка и философии. Отдельные работы отмечают близость поэтики Введенского принципам негативной теологии, говорят об онтологическом отрицании, непонимании, о своеобразной “апофатической теореме”, которую доказывает автор (В. Аристов⁴), о негативной антропологии, нехватках, недостачах на телесном уровне, формирующих “апофатическую анатомию” (Н.Я. Григорьева⁵); о “теологическом молчании”, связанном с такими негативными категориями, как смерть, остановка времени, катастрофа (К. Чухров⁶); о главной для поэта теме – теме Смерти (С.Г. Буров, Л.С. Ладенкова⁷).

Творчество Д. Хармса чаще всего изучают в рамках поэтики абсурда, через которую определяются особенности представления человека в текстах названного автора и метафизических категорий, таких как Бог, смерть и время (например, И.Ю. Малыгина⁸). К фундаментальным исследованиям, посвященным не отдельно Д. Хармсу или А. Введенскому, но всей группе

¹ Павлов Г.С. Поэтический мир А. И. Введенского (Лингвостилистический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2003.

² Десятова А.В. Норма и аномалия в поэтическом идиолекте Александра Введенского: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. — М., 2009.

³ Осташевский Е.В. Логико-философский “потец”: беглые замечания к теме “Введенский и Витгенштейн”. // НЛО. — №108. — 2011.

⁴ Аристов В. Не гортензия (к портретам Александра Введенского). // НЛО. — № 108. — 2011. С. 215.

⁵ Григорьева Н.Я. Мистическая антропология авангарда – 2: ОБЭРИУ и французский (пара)сюрреализм [Электронный ресурс]. / Н.Я. Григорьева. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/misticheskayaantropologiya-avangarda-2-oberiu-i-frantsuzskiy-para-surrealizm-predvaritelnye-zametki-k-teme-chast-2>

⁶ Чухров К. Некоторые позиции поэтики Александра Введенского. // НЛО. — № 108. — 2011. С. 249-257.

⁷ Буров С.Г., Ладенкова Л.С. Александр Введенский: равнение на смерть. —СПб.: Петрополис, 2017. ⁸ Малыгина И. Ю. Художественная репрезентация абсурда в поэзии Д. Хармса : антропологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Ставрополь, 2008.

ОБЭРИУ как целостному литературно-философскому явлению, стоит отнести работы Я.С. Друскина⁷ (основополагающее описание философии бессмыслицы ОБЭРИУтов), А.А. Кобринского⁸, А.Г. Герасимовой⁹, В. Глоцера¹⁰, К.В. Дроздова¹¹ (философия поэзии ОБЭРИУтов), G. Roberts¹² (ОБЭРИУ в русской и европейской литературной традиции, в контексте русского формализма, в промежуточном положении между модернизмом и постмодернизмом), Л.Ф. Кациса¹³ (теология ОБЭРИУ). При изучении русского поставангарда обращалось внимание на идейную близость московского концептуализма русскому и зарубежному романтизму (Б. Гройс¹⁴), изучалась философия концептуалистов в контексте их эстетики (А.Р. Апресян¹⁷). Обращалось внимание на сакральную “миссию” концептуализма (М. Славицка¹⁵), его близость к “апофатическому сознанию” (М. Эпштейн¹⁶).

Апофатическому методу посвящены работы, как правило, не связанные с художественным дискурсом. Это диссертации и монографии по философии, религиоведению, культурологии. В частности, описывается история развития апофатического познания в философской мысли от античности до Николая Кузанского, но не затрагивается философская апофатика М. Хайдеггера, Вл. Соловьева, Л. Шестова, С. Булгакова, европейского экзистенциализма и постмодернизма (О.Н. Оплетаяева¹⁷); исследуется проблема понимания, постижения сути бытия (Е.В. Бакеева¹⁸);

⁷ Друскин Я.С. Звезда бессмыслицы // РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1232. №15.

⁸ Кобринский А.А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 тт. — М., 2000.

⁹ Герасимова А.Г. Проблема смешного в творчестве обэриутов: дисс. ... канд. филол. наук.: 10.01.01. — М., 1988.

¹⁰ Глоцер В. ОБЭРИУ // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. С. 257-258.

¹¹ Дроздов К.В. Поэтическая философия чинарей: А. Введенский, Д. Хармс, Я. Друскин, Л. Липавский, Н. Олейников: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. — М.: РГГУ, 2007.

¹² Roberts G. The last Soviet avant-garde: OBERIU — fact, fiction, metafiction. — Cambridge university press, 1997.

¹³ Кацис Л.Ф. Прологомены к теологии ОБЭРИУ (Даниил Хармс и Александр Введенский в контексте Завета Св. Духа) // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. — М., 2000.

¹⁴ Гройс Б. Московский романтический концептуализм // Гройс Б. Искусство утопии. — М., 2003. ¹⁷

Апресян А.Р. Наивное искусство и концептуализм // Философия наивности / Сост. А.С. Мигунов. — М.: МГУ, 2001.

¹⁵ Славицка М. “Антропологическая трещина”: концептуализм revisited. Четыре беседы о сакральном // НЛО. — № 111. — 2011. С. 234-260.

¹⁶ Эпштейн М. М. Апофатическое сознание: концептуализм. // Эпштейн М. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. — Tenaflly (New Jersey): Hermitage Publishers, 1994. С. 31-79.

¹⁷ Оплетаяева О.Н. Проблема “ученого незнания” и апофатическая традиция в истории философии: от Сократа до Николая Кузанского: дис. ...канд. философ. наук: 09.00.03. — Краснодар, 2008.

¹⁸ Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: апофатический путь: автореф. дис. ...док. филос. наук: 09.00.01. — Екатеринбург, 2005.

апофатическое мышление рассматривается в рамках традиции негативного богословствования (П. Адо¹⁹).

Апофатика собственно в литературоведении изучалась не столь обширно, как поэтика русского авангарда в целом. В этом контексте можно назвать монографию М. Эпштейна, посвященную апофатизму и пустоте в русской культуре²⁰, сборник статей В.П. Ракова, собравший работы об апофатике литературно-художественного стиля (В.П. Раков²¹), и диссертацию М.П. Блиновой, посвященную мортальному сюжету в постмодернистской прозе (М.П. Блинова²²). Также филологическое обращение к названному богословскому понятию наблюдается в лингвистике, в частности, в статьях, посвященных грамматическому строю отрицательных высказываний в языке, лексическому и прагматическому аспектам негации, противопоставлению утверждения и отрицания²³.

Новизна исследования. 1) Рассмотрены проблемы роста научного и общекультурного интереса к разнообразным типологическим сближениям и отождествлениям, которые касаются и проблемы обнаружения сходных мотивов в классических вариантах апофазиса, и современного постмодернизма. 2) Предложена «апофатическая модель» как теоретическая и практически реализуемая структура, имеющая отношение и к классическим формам религиозного сознания, и к разнообразным формам эстетики XX века. 3) Поэзия обэриутов и концептуалистов рассмотрена как два этапа обмирщения, детеологизации «апофатической модели». 4) Определены и оценены дидактические стратегии, имплицитно выстраиваемые в художественных мирах изучаемых авторов.

Теоретическая значимость исследования – в форме подачи и научной систематизации эмпирического материала поэзии русского авангарда и концептуализма с целью воссоздания адаптирующей структуры, которую предложено называть «апофатическим методом».

Объектом исследования является идейно-художественное пространство поэтических и прозаических текстов, манифестов и

¹⁹ Адо П. Апофатизм или Негативная теология. / Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М., СПб., 2005.

²⁰ Эпштейн М. Пустота как прием. // Эпштейн М. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века. – Tenafly (New Jersey): Hermitage Publishers, 1994. С. 140-169.

²¹ Раков В.П. Апофатика литературно-художественного стиля (Опыт теоретического описания). // Раков В.П. Филология и культура. Статьи. – Иваново: МИК, 2003. С. 32.

²² Блинова М.П. М. П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы (Русский и зарубежный опыт): дис. ...канд.филол.наук: 10.01.01, 10.01.03. — Краснодар, 2004.

²³ Логический анализ языка. Ассерция и негация. / Отв. ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: «Индрик», 2009.

публицистических выступлений русских авангардистов и поставангардистов.

Эмпирическим материалом исследования послужили тексты А. Введенского, Д. Хармса, Л. Рубинштейна, Г. Сапгира, А. Монастырского, А. Герасимовой.

Предметом исследования стала система доминантных значений, формирующих концептуальное понятие «апофатическая модель», и ее практическая реализация в поэзии русского авангарда и поставангарда.

Целью исследования стало изучение поэтических миров А. Введенского, Д. Хармса, Л. Рубинштейна, Г. Сапгира, А. Герасимовой как практических явлений художественной негации, позволяющих вести речь о теоретическом явлении «апофатической модели» и обусловленных ею духовно-эстетических процессов.

Основные задачи исследования.

1) Практическое рассмотрение идейно-художественных негаций в классических и постклассических традициях (буддизм, христианство, русская и западноевропейская философия XIX-XX веков, постмодернизм);

2) Теоретическое построение «апофатической модели», выявляющей константные значения негации в разных духовно-исторических контекстах, но учитывающей и многообразие апофазиса как разновременного и разножанрового феномена;

3) Выявление социально-исторических, гносеологических и нравственно-психологических контекстов становления «апофатической модели», позволяющих говорить о глубокой укорененности «негативных» тенденций в гуманитарных движениях, в том числе в поэтическом творчестве;

4) Анализ поэтического мира обэриутов (А. Введенского, Д. Хармса) с целью выявления идейно-художественных констант, а также особенностей их функционирования в границах «апофатической модели»;

5) Анализ поэтического мира представителей школы московского концептуализма (Л. Рубинштейна, Г. Сапгира, А. Монастырского) с целью выявления идейно-художественных констант, а также особенностей их функционирования в границах «апофатической модели»;

6) Анализ художественного апофазиса в творчестве А. Герасимовой, выявление ее персональной поэтической «эсхатологии» в контексте «апофатической модели», воссозданной в творчестве обэриутов и московских концептуалистов;

7) Выявление и систематизация основных поэтических приемов, определяющих процессы негации в художественном творчестве А.

Введенского, Д. Хармса, Л. Рубинштейна, Г. Сапгира, А. Монастырского, А. Герасимовой.

Методологические основы исследования: 1) Описательный метод, систематизирующий изучаемый материал в соответствии с комплексом исследовательских задач «Апофатический метод в поэтическом творчестве обэриутов и концептуалистов». 2) Мифопоэтическая и деконструктивистская формы анализа, предполагающие изучение становления авторских художественных систем – в их относительной устойчивости и внутренней противоречивости. 3) Сравнительносопоставительный метод, позволяющий выявить характер и особенности взаимодействия изучаемых поэтических миров с классическими формами апофазиса.

Апробация исследования. Основные результаты исследования обсуждались в докладах и сообщениях на научных конференциях: международных: Международной научной конференции «Литература в диалоге культур–7» (Ростов Н/д, 2009 г.), XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, Москва, 2010), Международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011» (Одесса, 2011), Международной научнопрактической конференции «Онтологический дискурс в современном филологическом пространстве» (Краснодар, 2012), Международной научно-практической конференции «Художественная концепция личности в мировой литературе» (Краснодар-Армавир, 2012); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием к 150летию со дня рождения А.П. Чехова «Проблемы интерпретации художественного текста» (Краснодар, 2010); опубликованы в научных изданиях: в сборниках научных трудов издательства «ZARLIT» (Краснодар, 2010, 2011, 2012), в сборнике научных трудов «Язык. Личность. Культура» (Краснодар, 2015), а также регулярно обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики КубГУ.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке вузовских курсов, посвященных истории отечественной литературы XX – XXI веков, учтены при создании междисциплинарных программ, использующих данные литературоведческой науки в решении психологических, философских и религиоведческих задач.

На защиту выносятся следующие **основные положения:**

1) Апофатическая модель – форма научной рецепции художественной риторики, при которой основное внимание обращается на особенности поэтического языка, отдающего предпочтение отрицанию (и целому комплексу мотивов, с ним связанных), а не утверждению как принципу становления сюжета и управления реакцией читателя. Эта модель учитывает классические примеры апофазиса (буддизм, даосизм, метод Псевдо-Дионисия, постмодернизм и другие), но стремится к выявлению конкретно авторских тенденций поэтической негации.

2) Для изучения апофатической модели в творчестве обэриутов и поэтов-концептуалистов особое значение имеет характер исторической эпохи – XX столетия: классические формы сознания не исчезают, приобретают особый статус в культурном пространстве, но воспринимаются не в базовых, первых значениях, а в контексте трансформационных процессов: экспериментальная поэзия, к которой может быть отнесено творчество обэриутов и концептуалистов, оказывается пространством инверсий апофатических методик, при котором говорить о полноценном присутствии «буддизма» или «византийского христианства» не представляется возможным.

3) Ключевые признаки поэтики А. Введенского – ставка на сюжетную и жанровую неопределенность; устранение прямой связи слова с называемым предметом; сильные позиции мотивов исчезновения, уничтожения, остановки и распыления времени, смерти; частое обращение к художественно осмысленным темам «негативного богословия» – позволяют оценить ее как вариант апофатической модели. Спецификой этой модели в творчестве А. Введенского является экзистенциальный характер, способствующий трансформации абсурдного в трагическое и позволяющий говорить о «высоком апофазисе», требующем рассмотрения в религиозно-философских контекстах.

4) Ключевые признаки поэтики Д. Хармса – сюжетно-жанровая многозначность, разнообразные эксперименты с категорией времени, художественное ироническое и трагикомическое «богословие» - позволяют интерпретировать ее как вариант апофатической модели. Спецификой этой модели является иное, нежели у А. Введенского, соотношение абсурдного и экзистенциального, способствующее повышению роли бытовых, социально-гротескных и эротических тем, позволяющее говорить о «низком апофазисе», удаляющемся от религиозно-философских контекстов.

5) В творчестве московских концептуалистов апофазис, утрачивая экзистенциальную, религиозно-философскую тревогу, становится еще одним этапом в освобождении слова (следовательно, и сюжета) от базисного значения и константных, предсказуемых форм бытования.

Нерасчлененность субъектов речевого высказывания, устранение автора, распад причинно-следственных связей между предметами, эстетика неопределенности и фрагментарности отличают апофатическую модель в творчестве Л. Рубинштейна, ее теоретическое, по-своему высокое содержание. О «низком апофазисе», использующем, например, игровые инверсии священных сюжетов и открытом для самых разных жанровых экспериментов, можно говорить на материале творчества Г. Сапгира.

б) Самым значительным примером апофатической модели в творчестве московских концептуалистов следует назвать книгу А. Монастырского «Поэтический мир». На уровне формальной организации произведения – стилизация религиозно-философского дискурса, графическая и ритуально-ритмическая повторяемость, навязчивое присутствие «апофатической» лексики – перед читателем разворачивается поэтический трактат в стиле «негативного богословия». Но на уровне содержания, авторской онтологии текст остается холодным экспериментом с явным преобладанием интересов грамматики, синтаксиса и лексики над экзистенциальными проблемами.

7) Поэзия и творческое поведение А. Герасимовой показывают становление апофазиса и как художественной модели, и как стиля личного существования. Сочетание поэтического мастерства, теоретической учености и житейской невключенности в «социальность» сближает А. Герасимову с обэриутами и концептуалистами, но ее анархизм носит более легкий, музыкальный характер, уничтожающий «ответственность» без многообразия экспериментов. В апофатической модели А. Герасимовой важное место занимает «эсхатология» - не богословское учение о конце мира, а амбивалентный образ неминуемого уничтожения/обязательного освобождения, фиксирующий внимание на драматической свободе человека.

8) Апофатические модели в творчестве ОБЭРИУтов, концептуалистов и А. Герасимовой должны быть рассмотрены в контексте своих исторических эпох, как формы освобождения от основных форм риторического пафоса того или иного времени. Апофазис обэриутов, сохраняющий связь с традициями «серебряного века», - реакция на «государственный эпос» советской культуры, на стилизацию самого жесткого из возможных явлений «монотеизма». Апофазис московских концептуалистов – в контексте кризиса советского эпоса и нарастания культурной энтропии, усиливающей роль категории абсурда. Апофазис А. Герасимовой – форма сохранения свободы от возможной агрессии новых эпосов, своеобразный ответ любому потенциальному «тоталитаризму».

Структура диссертационной работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Библиографический список насчитывает 239 наименований, включая список использованной научной литературы (в том числе – на иностранных языках), список словарей и справочников. Общий объем работы – 171 машинописная страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность диссертационного исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены объект, предмет и теоретико-методологическая база исследования, раскрыта научная новизна, выявлена практическая значимость диссертации.

В **главе 1 («Апофатический метод как теоретическая проблема»)** четыре параграфа (**«Тексты (Псевдо)Дионисия и проблема апофатического метода в христианстве», «Апофатический метод в религиозно-философских учениях Индии и Китая», «Апофатический метод в русской религиозно-философской традиции конца XIX – середины XX века», «Апофатический метод в европейской философии XX века: экзистенциализм и постмодернизм»**).

В первой главе диссертационного исследования ставится задача лаконично воссоздать религиозный, философский, культурологический и психологический контексты, в границах которых творчество поэтов раннего и позднего русского авангарда получает значимое объяснение, предстает не изолированным явлением нонклассического искусства XX века, но закономерным движением в мире образов и идей; творчеством, имеющим контакты с самыми разными мирами словесности.

Мы далеки от утверждения, что Д. Хармс, А. Введенский или поэты-концептуалисты пребывают в естественном единстве с концепциями (Псевдо)Дионисия Ареопагита, Льва Шестова или авторами буддийских текстов. Одна из наших важных задач – сближая контактные мыслеобразы, сохранять здравые суждения о принципиальной неповторимости каждого творческого плана. Признавая актуальность принципов типологического сближения разнородного культурного материала в современных гуманитарных науках, мы выдвигаем гипотезу о присутствии «апофатической психологии», которая собирает вокруг себя миллионы субъектов культуры в эпохи, формально не связанные друг с другом. «Негация», предусматривающая отказ от рационального знания и устойчивого структурирования онтологических знаков, может иметь различные варианты конкретного воплощения. Но она не перестает быть

«апофатическим методом», избавляющим убежденного в своей правоте человека от власти «общих начал» и масштабных, легко описываемых структур. В рамках этой традиции между текстами А. Введенского, риторическими опытами Ж. Дерриды и древнекитайскими сентенциями «Дао дэ дцин» общего больше, чем может показаться на первый взгляд.

Логика композиционного построения первой главы следующая. В первом параграфе (исследуемый материал – канонические и апокрифические Евангелия, тексты (Псевдо)Дионисия Ареопагита, «Апокриф Иоанна») речь идет о собственно апофатической традиции, осмыслившей себя в православном христианстве и в гностическом опыте раннехристианской эпохи. Второй параграф (исследуемый материал – жизнеописание Будды, «Сутра Помоста Шестого патриарха», Записи бесед Линьцзи) – движение в сторону более ранних эпох, когда Индия и Китай впервые оформили апофазис как психологический феномен спасения человека от ложного многообразия мира. В третьем параграфе (исследуемый материал – тексты С. Булгакова, Л. Шестова, В. Лосского) – возвращение к христианской традиции, но в ее яркой неканонической версии. Мы говорим о русской религиозной философии XIX-XX веков, в которой апофатический метод стал системным явлением. Четвертый параграф (исследуемый материал – тексты С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Делеза) призван продемонстрировать разнообразие форм негации в западной философии, скорее отдалявшейся от христианства, чем сближавшейся с ней, а также показать современное явление апофатического метода – постмодернизма. В нем много игровых тенденций, часто проявляет себя стремление к безответственности, но постмодернистские «эпистемологическая неуверенность», «деконструкция» и «недоверие к метарассказам» заставляют вспомнить древние эпохи человеческой мысли, когда отказ от личностного Абсолюта и устойчивой онтологии указывал на вектор духовного поиска. Предполагаемый итог – мы должны в масштабе «большого» времени увидеть те тенденции, которые во времени «малом» реализовались в творчестве изучаемых поэтов.

Рассмотрев апофатический метод в рамках христианства, буддизма, даосизма, русской религиозной, западной экзистенциальной и постмодернистской философии, следует оставить в стороне серьезные и указанные выше различия, сосредоточившись на апофазисе как определенной методологической основе, позволяющей говорить о косвенном взаимодействии разных культурных традиций.

Апофатический метод в любом своем варианте теснейшим образом связан с тем, что мы считаем необходимым называть *апофатической*

психологией. Человек склонен испытывать страх перед рационализирующими системами, превращающими, например, теологию в набор ценностных знаков с раз и навсегда определенным содержанием. Апофатическая психология связана с подсознательным или вполне сознательным желанием субъекта оставаться свободным от дидактических кодексов, от морально-нравственных императивов и незыблемых онтологических принципов. Объявляя ключевую структуру отсутствующей (в разных системах это действие озвучивается поразному), субъект оставляет шанс на вариативность осмысления важнейших взаимоотношений человека с Абсолютом.

Преодолевая образ рационального человека, выполняющего ряд ритуальных действий, апофатический метод выстраивает пространство амбивалентных интуиций: оказываясь в зоне апофазиса, субъект не всегда может четко обозначить, где он находится – в границах религии, философии, психологии или, допустим, поэзии. Такая вариативность оценки апофатического пространства дает субъекту шанс на повышение качества своей свободы, на увеличение ее объема, ведь, в принципе, можно оценить религиозное как поэтическое, психологическое как философское, тем самым преодолев контроль систематизирующих, оценивающих человека систем.

Приближение к окончательной, устойчивой структуре сопровождается отказом от ее захвата в целостном определении, фиксируется сохранение дистанции между субъектом и объектом, между познающим и познаваемым. Чем очевиднее отказ от риторического обладания Абсолюта, тем масштабнее сохраняемая свобода субъекта познания.

Атеизм (как, например, в постмодернизме) может сочетаться с особой, остающейся в подтексте метафизикой. В любом случае апофатический метод представляет собой последовательный, радикальный антиполитеизм. Его лозунг есть смысл определить следующим образом: никакого язычества! Лучше растворить Абсолют в определенной риторике, чем признать Абсолют в сохраняющихся антропоморфных чертах.

Отрицание – способ познания. Происходит активное очищение абсолютного начала, оказавшегося в бессловесности, от слов, не способных установить экстремальную точку познания, обозначить предмет или явление в момент кульминационной активности. Разумеется, что роль риторических игр заметно повышается. Востребованными оказываются оксюмороны («сияние Мрака»), вполне к месту обращение к парадоксам, расширяющим горизонт ожидания.

Наиважнейшее в этом мире, изначально сакральное может участвовать в словесных играх (например, в постоянном отрицании), но не подлежит четкому словесному определению, уходит из-под риторического

контроля, образуя в себе и вокруг себя продуктивную зону молчания, заставляющую человека отказаться от гордыни познавшего субъекта. В апофатическом пространстве любой жест представляется возможным. Освобождение речи от стабильности речевых практик – обыденность апофазиса: Будда может быть назван (Лин-цзи) «куском засохшего дерьма». Возрастающая ненормативность, сквернословие подчас сближают коан и анекдот, указывая на управляемую брань как на одну из версий свободы, освобождения от «канонической» риторики.

Апофатический метод максимально усиливает присутствие художественного дискурса. С одной стороны, совершается выход из эпической модели культуры, отказ от полюсов, дифференциаций, классификаций и оппозиций. С другой стороны, поэтическое начало – внутренняя энергия любого апофазиса. «Поэтическое» как освобождение от обязательности риторически очерченных законов.

Часто отмечается сближение гностицизма и агностицизма: альтернативной мудрости и почти детского признания в неведении относительно базисных вещей мироздания и человеческого существования. Гордыня и юродство, образуя парадоксальное единство, могут сочетаться, ставя под вопрос нравственный уровень субъекта. Апофазис и стабильность человека – значительная проблема. Нет души – это буддизм. Нет официальной спасающей религии – это русская философия. Можно вести речь о формировании апофатического неогуманизма, в котором реализация человеческой сущности происходит в разных контекстах пустотности.

Наблюдается выход из определенного, конкретизированного хронотопа. Главная объективность – сознание человека, где образуются и уничтожаются миры. Катарсис, вызванный ослаблением влияния материального начала – и в слове, и в самом существовании человека. Нирвана (она может быть выражена в разных лексемах) – общий доминирующий концепт апофатического метода.

Нельзя не отметить, что, становясь методом, получая право на разнообразные версии, апофазис может тяготеть к рациональному знаку, превращаться в систему, где отрицание настолько предсказуемо, что слово негации теряет всякую энергию, превращается в моду и даже китч. Особенно это характерно для постмодернизма.

В главе 2 («Принципы апофатической поэтики в творчестве Обэриу (на материале произведений А. Введенского и Д. Хармса)») два параграфа («Художественный апофазис А. И. Введенского», «Апофатический метод в поэзии Д. И. Хармса»), с подпунктами, конкретизирующими семантические эквиваленты апофатической модели, реализованной в творчестве названных авторов. Рассматривается

апофатический смысл мортальной проблематики произведений; инверсированное изображение сакральных образов; разрушение времени; апофатическая символика образов водной стихии в произведениях А. И. Введенского. Анализируя расширенно понимаемую модель отрицательного богословия в творчестве Д. Хармса, мы останавливаемся на таких позициях, как частичная синонимия экзистенциалистского Ничто и художественной апофатики; особенности функционирования лексемы «Бог» в текстологическом пространстве; «обнуление» времени в дискурсивной стратегии.

Поэтическое творчество А.И. Введенского – первый аналитический объект во второй главе. Введенский пользуется апофатическим методом для поэтической работы с такими сакральными понятиями, как Бог, время и смерть. Эти бытийные вещи человеческий ум не в силах понять, нет инструментов, могущих помочь эмпирически постигнуть сакральные категории. Любые попытки утвердительно судить о Боге, смерти и времени заведомо обречены на поражение, и единственно верный способ приблизиться к постижению сути данных вещей – это всевозможные разрушения их по-человечески постижимых образов: «Всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и все существующее», – пишет А.И. Введенский в «Серой тетради».

Из всех изучаемых в диссертации поэтических систем именно художественный мир А. Введенского особенно богат на разнообразные явления апофатических принципов. Укажем наиболее востребованные автором: инверсированная аксиология (перевернутые изображения «святого», «рая», «Бога»); разрушение традиционных референций; устранение связи слова с предметом; танатологические образы (сон/смерть), имеющие положительную смысловую окраску, либо сниженное комическое звучание («конец... бубенец» // Введенский. «Значенье моря»); изображение раздробленности мира, в котором невозможно найти соответствие знака значению («единосущие», по Я. Друскину²⁴, всего в мире), разрушение «понятных» словесных связей, для того чтобы устранить мнимое правдоподобие; эстетика негативности, всевозможных отрицаний и разрушений; мотив исчезновения как положительное событие (выход за пределы ложных связей, кажущейся причинности); апофатизация времени (мотивы остановки его течения, стоячей воды, сопоставления времени с тяжелыми предметами, замирания движения и речи героев); тема

²⁴ Друскин Я.С. Стадии понимания / «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин: В 2 т. – М.: Ладомир, 2000. Т. 1.

двойничества (разделение на «Я» и «Я сам») и отрицательная антропология (утрата героями частей тела); двойственные образы умирания/исчезновения, релятивность и обратимость смерти (возвращение мертвецов «обратно», их разговор); констатация непознаваемости Бога и смерти; фигуры отсутствия, нуля, отсечения значения; экзистенциальная и апокалиптическая проблематика; выражение апофатического непонимания («...всякий человек, который хоть скольконибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его...», – «Серая тетрадь»); образ моря как царства апофатики, с морем связана апофатическая проблема непонимания/понимания; мотив выяснения значения, установления смысла, дискурс вопрошания (при котором каждое из найденных значений поэтом обнуляется, организуя собой апофатический метод познания, выражающийся в отказе от положительных утверждений); тема смерти приравнивается к теме бессмертия – после смерти герои Введенского впервые становятся перед сущим, находят Бога.

Эти положения последовательно разбираются в диссертации на конкретных примерах, в ходе анализа произведений А. И. Введенского: стихотворений («Очевидец и крыса», «Гость на коне», «Мне жалко что я не зверь», «Святой и его подчиненные», «Битва», «Значенье моря», «Кончина моря», «Святой и его подчиненные», «Четыре описания», «Две птички, горе, лев и ночь», «Снег лежит», «Суд ушел», «Ответ богов», «Пять или шесть», «Факт, теория, Бог», «Седьмое стихотворение»), «Куприянов и Наташа», «Человек веселый Франц», «Зеркало и музыкант», «Приглашение меня подумать»), поэмы «Кругом возможно Бог», философского «трактата» «Серая тетрадь», а также с привлечением теоретической авторефлексии обэриутской эстетики, представленной в работах Якова Друскина – современника Введенского и Хармса, входившего в группировку в качестве философа.

В ходе анализа художественных и теоретико-философских произведений А. Введенского установлено, что апофатизации, или познавательному отрицанию, подвергаются в его поэтической практике и априорные условия самого существования, и трансцендентальные объекты, обуславливающие присутствие в художественном дискурсе теологической проблематики, и граница, отделяющая эмпирическое Здесь от виртуального Там, данном в одном из актов веры. Для Введенского принципиально важно не допустить прагматического захвата надчеловеческих сфер. Поэтому негация при создании образов божественного, мотального и хронологического содержания всегда присутствует как творческая задача в области создания поэтического сюжета. Формой познания Логоса, постановки и решения

логоцентрических проблем оказывается отказ от рациональной адаптации практически всех высоких, «сверхчеловеческих» объектов. Акцент делается на продуктивном «непонимании».

Художественный мир Д. Хармса – второй аналитический объект во второй главе. В рамках обозначенной проблематики мы анализируем его прозаические тексты (например, цикл малой прозы «Случаи», пьесы, повесть «Старуха», философские трактаты-«утверждения») и поэтические. Исследуем особенности художественной апофатики Д. Хармса в контакте с экзистенциалистским концептом Ничто, что позволяет понять цель проводимых обэриутом всевозможных аннигиляций, разрушений, «обнулений» (когда, например, после приклеивания к подбородку пластыря человек теряет свою идентичность – «Столяр Кушаков»; или от исчезнувшего Петерсена остается только голос – «Макаров и Петерсен»), уничтожения наррации (когда текст внезапно завершается словом: «в с ё»). Проанализировали экзистенциалистские мотивы и настроения в текстах Хармса в контексте тем небытия, пустоты, пустого знака, актуализированной искусством начала-середины XX века в целом (в частности, философскими обоснованиями творчества К. Малевича). Также мы описываем экзистенциалистски обусловленное присутствие героев Хармса в Ничто. Д. Хармс достигает воплощения идеи бессмертия путем разрушения текста как такового, путем обнуления повествовательных векторов.

В подпараграфе, посвященном исследованию особенностей функционирования лексемы «Бог» в художественном пространстве Д. Хармса, мы очертили семантическое поле названного архетипически высокого понятия; выявили наличие колебания смысловой амплитуды всех религиозных лексем – от скоморошьей, шутовской игры с формами слов священного дискурса до выстраивания парадоксальной языковой стратегии христианского юродивого и реальных молитвенных обращений, когда сакральному слову возвращается его неразрывность с тем, что оно означает. За разрушениями Хармса наблюдается попытка разыскать священную сущность какими-то иными путями, за пределами избитых выхолощенных слов.

Один из пластов стихотворных текстов Д. Хармса, центрированных вокруг сакральных образов, – это стихи-молитвы, где оформляется речевая ситуация обращения к Богу. Так, например, в «Молитве перед сном» лирический герой просит Всевышнего о даровании ему творческой силы, которая позволит создавать поэтические произведения, и сам по себе этот акт уже будет прославлением Творца. Несмотря на отнесенность данного стихотворения к высокому жанру, текст изобилует разговорными

конструкциями и стилистически сниженной лексикой. При этом присутствуют и конструкции с возвышенной интонацией. Соприсутствие в рамках одного текстового пространства высокой и низкой тональности позволяет говорить о сознательном приеме сочетания несочетаемого с целью выведения сознания читателя в область чистого понимания, обретаемого *за* пределами ума, логики.

Мы очертили область непрофанического функционирования лексемы «Бог» в сакральном семантическом поле (обращения к святым, стихи-молитвы), а также профанического содержания священного понятия, что выражается, как правило, через рифму – когда слово из сакрального семантического поля рифмуется со сниженно коннотированным словом (например, «храм» – «хлам»). С темой балаганной амбивалентности («от иконы в хоровод»; «ты ерёма и святой») соседствует тема «конца всему»; эсхатологические мотивы – также в рамках функционирования инварианта лексемы «Бог». Метафизическое у Хармса теряет свою традиционную разделенность на «верх» и «низ». Возникает ситуация релятивности любого имени, что в творчестве Хармса связано с представлением о релятивности какого-либо знания в принципе.

В поэтическом пространстве Д. Хармса в одном синтаксическом ряду с понятием «Бог» часто находится понятие «смерть». Сакральное слово в художественном пространстве оказывается погруженным в парадоксальные контексты. В формировании Хармсом семантического поля лексемы «Бог» наблюдаются сопряжения далеких по значению понятий, а подобные оппозиции формируются по законам апофатического построения мысли. Только применительно к художественному миру мы можем говорить об апофатической поэтике, но не об апофатическом богословии, хотя генезис данной поэтической модели вполне очевиден.

Третий подпараграф второго параграфа посвящен «обнулению» времени в дискурсивной тактике Д. Хармса. Время осмысляется поэтом апофатически, то есть через отрицательные конструкции, а на уровне сюжета – через разрушение, остановку времени, что имеет целью исследовать саму эту категорию в чистом виде, без примеси антропоморфности. Философский смысл работы с негацией категории времени – попытка «нащупать» и приблизить вечность, бессмертие. Когда в стихе мы видим раздробленное на части явление, разрушенные лексические и синтаксические сочетания, то мы имеем дело с разрушением автоматизированного понимания этой вещи и обретением иной цельности, связанной с истинным восприятием явления. Вечность обретается за пределами земной последовательности событий. Прорыв и выход возможен за счет алогизма, темпорального скачка, введения парадоксального

элемента, случайной точки (эффект «вдруг» выводит читателя за пределы *линейной* логики, *линейного времени*). Таким образом, темпоральная модель в такой картине мира – это время события, отклоняющегося от линейной направленности событий; выход *за* прямую линию посредством алогизма, абсурда.

В отказе от глагольных форм и возвращению к инфинитиву во многих стихах Хармса моделируется вечность – как преодоление земного парцеллирования времени на прошлое, настоящее и будущее.

Стихотворение Хармса «Признаки вечности», повесть «Старуха», трактат «О существовании, о времени, о пространстве» – примеры «нелинейного» решения одной из значимых художественно-философских проблем.

В «11 утверждениях» Д. Хармс сформулировал главную тему своего творчества – бессмертие. И негация наррации, и исчезновения героев, и работа с сакральными образами, и разрушение времени осуществляются поэтом для того, чтобы словесно материализовать выход сознания в область, где обретается истинное понимание времени, Бога, смерти – и через это – бессмертия. «Все земное свидетельствует о смерти, – пишет Хармс в названном философском трактате. – Есть одна прямая линия, на которой лежит все земное. И только то, что не лежит на этой линии, может свидетельствовать о бессмертии. И потому человек ищет отклонения от этой земной линии и называет его прекрасным или гениальным».

Таким образом, «отклонения», абсурд, выстраиваемые в произведениях Д. Хармса, уничтожают привычное значение, указывают на путь обретения нахождения подлинного смысла понятия. Это своего рода утверждение через отрицание, что теснейшим образом граничит с апофатическим богословием.

В третьей главе («Апофатический «код» в творчестве поэтов русского поставангарда») три параграфа («Редукция апофатической проблематики в поэзии Московской концептуальной школы», «Художественное преодоление симулякра в поэзии Г. Сапгира», «Апокалиптические мотивы в поэзии А. Герасимовой как реализация апофатического метода в современной рок-поэзии»).

Семантическим приемом создания смысла текста в практике Московских концептуалистов является система отрицаний, или негация. Негация в данном случае служит реализации апофатической стратегии, но в концептуализме (как постмодернистском факте) происходит значительная редукция исходного значения богословского термина.

За отрицанием византийских теологов (прежде всего (Псевдо) Дионисия Ареопагита) всегда стоит ясное, неделимое, сверхсмысловое ядро – Бог. За отрицанием ОБЭРИУтов также скрывается интенция дойти до не

абстрактного ощущения трансцендентных явлений – Бога, смерти и времени / вечности. Принципиальное отличие построений концептуалистов от представителей раннего авангарда и тем более византийских богословов – в отсутствии какого-либо центра.

Это отсутствие многоступенчато конструируется Л. Рубинштейном и А. Монастырским. Происходит редукция, доводящая исходное понятие до нуля, что позволяет отнести поэзию Московских концептуалистов к постмодернистскому дискурсу, для которого характерны децентрация, смерть руководящей инстанции – Бога, автора, метанарратива. На уровне формы может наблюдаться своеобразная «игра в апофатику», целью которой не является установление первичных смыслов трансцендентных понятий.

Основная категория постмодернистского сознания – эпистемологическая неуверенность, которая обосновывается кризисом веры во все устоявшиеся авторитеты, крахом научного детерминизма (когда мир в силу социально-политических причин предстает хаосом, непознаваемой субстанцией, в которой нет управляющего разумного центра – читай: Бога). В этом контексте возникает распад формы – карточки Льва Рубинштейна, «стихи» из газетных вырезок Дмитрия Пригова, акции группы «Коллективные действия» Андрея Монастырского как «литература». Постулируются абсолютный «запрет на метафизику», представление о мозаичности и неистинности мира, отказ от веры во внешнюю причинность явлений. Как следствие, возникновение ризомной и номадической организации текста. На этом поле появляются такие понятия, как «пустой знак» и «скриптор» (вместо «автора»). Возникает естественный разлад между означающим и означаемым, слова уже могут не значить того, что за ними закреплено, и объединяться в словосочетания, словесные цепочки без всякой смысловой соотнесенности друг с другом.

В «картотеке» Рубинштейна представлена тотальность языка: языковая реальность выступает как единственная и самодостаточная, т.е. не нуждающаяся ни в какой внеязыковой соотнесенности. В постмодернистском видении мира бытие вообще предстает сугубо как жизнь языка. Отсюда – невозможность говорения об «истинности» текста, так как он не может быть адекватен чему бы то ни было.

Представляя апофатическую модель в творчестве русских поставангардистов, мы опирались не только на поэтические произведения исследуемых авторов, но и на их теоретико-методологические работы. В частности, в Словаре терминов московской концептуальной школы под ред. А. Монастырского собраны автоопределения писателей-концептуалистов, в которых преобладают дефиниции, выраженные в форме всевозможных

негативных понятий, обосновывающих пустотность и деструкцию как предмет и метод изображения («несуществующие предметы», «нет меня», «незалипание», «неизвестное», «пустое действие», «незаписанность», «неизображаемость» и т.п.). Доминирование отрицательных частиц в саморефлексии концептуалистов делает обоснованным рассматривать их художественный метод в рамках византийской традиции апофатического богословия, для которого характерна модель отрицательного дефинирования священных понятий, превосходящих разум. Но существенное отличие заключается в том, что в пустотности концептуалистов «византизм» присутствует лишь на уровне *формальной* организации стиха, истинно же богословская онтология в содержании отсутствует. Конструируется постмодернистская «смерть автора», «смерть читателя», «смерть Бога». Тем не менее, на то, что концептуалисты работают в области сакрального, указывают и они сами, и исследователи-искусствоведы: например, Борис Гройс помещает творчество А. Монастырского и Л. Рубинштейна в рамки романтического концептуализма, большой раздел (2011 г., № 11) журнала «Новое литературное обозрение», посвященный философии московских концептуалистов, так же центрируется вокруг сакрального как основы метода А. Монастырского, Л. Рубинштейна, И. Кабакова.

В параграфе первом третьей главы диссертации («Продуктивное отрицание в акционном искусстве А. Монастырского») мы анализируем книги стихов пятитомника «Поэтический мир». В первой книге сборника происходит становление абсолюта утверждения/отрицания, пустота приобретает жесткий каркас. Есть смысл говорить о мнимости свободы, зажатой моделью строфы. Гимн отрицанию в подобных произведениях значительно громче, чем те или иные семантические переключки с византийским методом. Но при этом не стоит забывать, в подсознательной, подтекстовой сфере буддизма всегда есть Будда, как бы он ни отрицался. Здесь же есть только строфа, от которой легко можно отказаться.

В безличности предложений книги Монастырского «Все в движении» апофатическое начало усиливается, можно говорить о фиксации «смерти субъекта». С одной стороны, это лингвистическая коллизия: текст напоминает эксперимент в области языка. С другой стороны, ситуация приобретает ярко выраженный психологический характер: в лингвистической выраженной «смерти субъекта» субъект речи избавляется от страха исчезновения. В привычной для поставангардистов наивности, приобретающей при этом философские черты, наблюдается классическая для словесности работа – катарсическое устранение ужаса собственного конца. Терминологическое поле (включающее слова «колобковость», «лыжник», «агент», «незалипание» и другие) свидетельствует об одном

важнейшем движении – об устраняющемся «Я», которое остается в онтологическом статусе. Этот статус – стремление подчеркнуть, что субъект лишь тогда имеет какой-то смысл, когда он покидает все возможные центры, становится недоступным для акта идентификации субъекта как существующей в материальной действительности субъекта.

«Было свободно» – «Все стало свободным». Между этими тезисами помещаются другие тезисы с очевидным безличным значением. Нет ни знаков препинания, ни рифмы, ни присутствия лирического героя. Ничто не мешает аллюзивному присутствию нирваны как буддийского идеала, перенесенного в принципиально не религиозный мир советского интеллигента, отстраняющегося от участия как формы существования.

Мы говорим о поэтике, и книга «Ничего не происходит» (часть «Пятикнижия») уже самим заглавием показывает избранный автором путь. Через лексемы отрицания уничтожается событие, а на его месте оказывается исчезнувшая или преодоленная событийность – экспериментальная пустота, свободно сочетающая ничто и любую, но лишь потенциальную мысль о полноте. Поэтика в данном случае не собственно художественный мир, определяющий персональное бытие конкретного произведения, а логический принцип, явление метода, знак универсальности, направленный на сближение поэзия и бытия в негативном отстранении от содержательно-воплощенных единиц речи и жизни. Автор не столько сообщает о факте присутствия конкретной идеи, сколько посылает сигнал о типологиях. Они – типологии индийские, византийские, христианские – создают эффект «единой волны», особой солидарности с мировой традицией парадоксального участия в деятельности «Ничто». Чувство удовлетворения от философскопоэтического акта негации – в сопричастности великим формам апофазиса. Но – и это не менее важно – без намека на ритуализацию, на погружение в специфические миры каждой отдельной традиции. В этом случае апофатическое действие по-настоящему имеет смысл, а апофатические традиции, конечно, присутствуют – но в отрицании, а не в утверждении их религиозно-исторической обособленности. «Ничего нет / ничего не осталось / здесь пусто» – в этом тексте Монастырского не столько поэтически, сколько теоретически достигается предел пустоты. Каждый из всемирно значимых сюжетов негации здесь может быть помыслен и допущен, но главное заключается в том, что смысл имеет лишь одна негация как акт глобального, лаконично выраженного, чуждой красоты неучастия.

На одном полюсе предположений – хаотические действия, энтропия, распад самой материи слова. На другом полюсе – апокалипсис, последняя катастрофа, метафорически перенесенная из религиозного контекста в

контекст риторический. Но и энтропия, и эта в большей степени теоретическая апокалиптика лишь языковые знаки процесса отрицания.

Слова Монастырского – «кажется, что всему конец» – сокращение философии негации до вывода, в данном случае имеющего даже модальные характеристики. Категорические признания итога, мир перестает иметь смысл в образах дифференциального присутствия.

«Призрачный мир» не выдерживает агрессии пустот. «Здесь вообще ничего нет» – хаос и чистота смыкаются, образуют концептуальное единство. Есть смысл говорить о психологическом феномене поставангардистского решения всех потенциальных проблем через отрицание самой возможности их присутствия. И когда мы говорим о создании одного семантического ряда, в котором дискурс, например, Монастырского сближаются с дискурсами Хайдеггера, Дерриды или византийских богословов, необходимо обратиться к вопрошанию о наличии учения в границах апофазиса. И вот напрашивается значимый вывод: никакого учения у Монастырского просто не может быть. Чтобы встреча пустоты и чистоты все-таки состоялась, необходимо обнуление и сакральных смыслов, и возможной формы проповеди.

В подпараграфе «Смерть автора» в поэзии Л. Рубинштейна мы анализируем его «Картотеку». Апофатический метод - в тяге к максимальному лаконизму, в реализации постмодернистской стратегии самоустранения автора, в приоритете «ускользания», «незалипания» и других аналогичных действий.

В проведенном исследовании мы обращаем внимание на апофатические конструкции в текстах карточек. «Смерть субъекта» здесь явлена в двух вариантах: субъект растворяется в безличной мудрости, равняющей всех мастеров дискурса в общеупотребительной мысли о всегда близком уходе и субъект скорбит о своей неполноценности, личной обреченности на небытие.

«№ 32. Можно никуда не смотреть, но все видеть; № 33. Можно все видеть, но ничего не понимать... » («Каталог комедийных новшеств»). Концептуалистская свобода реализуется не в категориях этики и нравственного выбора. Рубинштейн демонстрирует взаимодействие лексемы «можно» и отрицательных частиц. Знаменитое «незалипание» московской школы получает при этом новую силу. Даосские (восходящие к Лао-цзы) истоки подобного опыта можно описывать с использованием многочисленных китайских цитат. Но этот пафос лишь подразумевается, но не используется Рубинштейном. В психологических допущениях, которые придают данному дискурсу черты художественности, реализуется желание не быть связанным ни действием, ни его итогом. Более того, оценочный

смысл тезиса № 33 остается специально туманным. «Ничего не понимать» - это пример глупости, но эта та форма глупости, которая освобождает от рационального знания и приобщает к истине. Правда, к истине – через отрицание того, что истиной не является. То, что это «комедийные новшества», устанавливает необходимую зону фамиллярности – принцип сохраняющейся свободы субъекта от императивных выводов.

Путь рубинштейновского проекта – в констатации хаотичности реальности, которая может быть воспринята как ответ на рационализацию бытия в состоявшихся сюжетах литературы. Рубинштейн предлагает то, что можно назвать «постлитературой» – реакцией уставшего, безэмоционального субъекта, воспринимающего апофатический метод как способ защиты. Причем, защиты не только от тоталитарных социумов, но и от напряженных движений литературы.

Во втором параграфе главы 3 мы исследуем особенности функционирования апофатического метода в модусе борьбы с симулякровыми образованиями (на примере поэзии Г. Сапгира). Анализируя поэтические сборники «Лето с ангелами» (2000) и «Складень» (2008), мы установили, что мотив поиска подлинности и преодоления подделки является одним из ведущих в художественном мировоззрении Сапгира. По этой причине в текстах наблюдаются всевозможные разрушения, вплоть до саморазрушения языка и «смерти автора», для того чтобы совершить возврат к первоначальной неиспорченности мира, где еще не было декорация, бутафорских подделок, бесконечных копий, не отличимых от оригинала. В стихах Сапгира, как представителя русского поставангарда, наследующего традицию раннего авангарда, много нарушений, деструкции, редукции, обнулений, изображения молчания. Циклы «Монологи», «Рисующий ангелов», «Тактильные инструменты» воплощают тему симулякров в образах пустоты, оболочки, лишенной содержания: «нет упаковки, кроме упаковки, и упаковщик – пророк ее».

Апофатический метод используется как метод познания субъектом, пребывающим в эпистемологической неуверенности, в гносеологическом скепсисе по отношению к сущностному статусу объектов познания. Стихи Сапгира изобилуют образами небытия, отсутствия: «Ткни-ка в пространство – нет ничего». Возвращение к подлинному происходит через разные виды негации (сюжетные и языковые разрушения) и сознательно конструируемую пустоту. Но это не просто пустота, а Пустота, «рождающая бытием / награждающая бытие». Разрушения Г. Сапгира отчетливо очерчивают истинные предметы, противопоставляемые декорациям, бутафории и любым симулякровым образованиям. В стихах наблюдается скудость лексикона, примитивный синтаксис, сводящийся в конце к

простейшим образованиям, подобным «вдоху» и «выдоху» (целое стихотворение моделирует физический процесс дыхания). Возвращаясь на уровне формы стиха к первоосновам, Сапгир конструирует пересоздание мира – из квантов, из выдохов. Герои его текстов на очищенном от симулякров основании учатся звукам и буквам с нуля («Весенний букварь»). Чистый звук, буква противопоставлены напластованиям разросшихся подделок. Буква участвует в сотворении мира сызнова.

Таким образом, апофатическое преодоление симулякров у Сапгира происходит через возвращение к первоэлементам, к азбуке, к звуку, к букве, к вдоху и выдоху.

В третьем параграфе 3 главы мы рассматриваем, как реализуется апофатический метод в современной рок-поэзии на примере творчества Анны Герасимовой (Умки). Анна Герасимова одновременно поэтавангардист и крупный специалист в деле изучения русского авангарда. Давно расставшись с мыслью о системной научной карьере и вузовском преподавании литературы, она время от времени возвращается от жизненной практики, сближающей с хиппи, и напоминает о своей ипостаси исследователя. Например, подготовкой и изданием собрания текстов Александра Введенского, которое в настоящее время признается образцовой репрезентацией творчества замечательного русского поэта – с удивительными произведениями и трагической судьбой.

В данном разделе диссертации мы останавливаемся на текстах, которые Герасимова считает стихами, предназначенными только для чтения, не для исполнения под гитару. В ходе анализа устанавливается, что ключевыми мотивами в стихах Умки являются апокалиптические и эсхатологические. Мир у Герасимовой «на краю обрыва», «на краю потопа». В стихотворении 1987 года «Не подавая виду...» апофатические традиции Введенского и Хармса подвергаются концептуализации в согласии с языковыми традициями эпохи Перестройки, когда резкая лексическая ненормативность все еще согласована с социальным сюжетом в духе характерного для времени распада Советского Союза критицизма.

Традиции негации, характерные для авангардистской эсхатологии, здесь менее сильны, чем знаки эпохи, нацеленной на социальный критицизм. «Мы на краю обрыва» - не столько обобщающий образ в границах апофатического метода, сколько достаточно пафосный текст отрицания коллективного движения в исторический ад.

Конечно, можно говорить об эсхатологическом векторе в поэзии Анны Герасимовой. Она идет за Введенским и Хармсом, за ОБЭРИУтским гротеском и сарказмом. У Анны Герасимовой есть стихотворение «Эсхатология». Эсхатология – «за углом», «в каждый дом», она – «наука умирать». Теологический термин оказывается своеобразным методом

обнуления реальности, потенциального превращения любого социальнобытового фантома в ничто. Как известно, классическая эсхатология – религиозная наука о последних днях истории, о завершающей битве добра и зла, о воскрешении мертвых и Страшном суде. У Герасимовой есть лишь намек на подобное развитие событий. Прежде всего, эсхатология – поэтическая фигура почти трагической независимости.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования. Апофатический метод в «большом времени» всемирной истории – это многоаспектное использование традиций негации в буддизме, даосизме, платонизме, византийском христианстве, западноевропейской и русской философии, модернизме и постмодернизме. При всех серьезных различиях и не сводимых к единству духовных интенциях в перечисленных явлениях гуманитарной мысли «отрицание» значительнее «утверждения», а создание интуиции нерационального знания получает статус главной мировоззренческой задачи.

В «локальном времени» XX века апофатический метод изучен нами как данность русской авангардистской и поставангардистской поэзии, в которой принципы классического апофазиса использованы не как идейнохудожественные факты художественного воздействия, а как образы типологического контакта, отвечающего характеру эпохи, связывающей явления негации и представления о дальнейшем освобождения человека от гнета «тоталитарных» культур.

Связующим звеном традиции и авангардизма оказывается феномен «апофатической психологии», исследованный в аналитическом рассмотрении поэзии А. Введенского, Д. Хармса, Л. Рубинштейна, А. Монастырского, Г. Сапгира, А. Герасимовой. И сама по себе поэзия есть форма защиты читателя от рационализированных информационных текстов. Но в теории и практике авангардистов и поставангардистов поэтическое пространство оказывается широкомасштабной негацией, понижающей статус устойчивых лексических и семантических форм. Вместе с тем происходит ритуализация апофатического метода, который (как, например, в «Поэтическом мире» А. Монастырского) оказывается регулируемой серийностью порождения определенных идейнохудожественных штампов.

Выявлено присутствие двух форм апофазиса («высокого» и «низкого») в поэзии русского авангарда и поставанграда. «Высокий» (прежде всего, это поэзия А. Введенского, отчасти – творчество Л. Рубинштейна и А. Монастырского) апофазис предполагает усиление философских мотивов, определенную драматизацию и даже трагедизацию художественного сюжета, «Низкий» (Д. Хармс и Г. Сапгир – в своих

главных текстах) апофазис предполагает активное освоение бытовых тем, обращение к гротескно-смеховой, карнавальной культуре. Так, например, у А. Герасимовой концепт «эсхатология» оказывается символом доминирующего настроения, определяющего процессы маргинальной негации.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (звездочкой помечены издания списка, рекомендуемого ВАК РФ для публикации результатов и материалов кандидатских диссертационных исследований):

1. *Татарина О.В. Принципы апофатической поэтики в творчестве А.И. Введенского // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – Краснодар: «ХОРС», 2011. № 7. С. 357-360.
2. *Татарина О.В. Книга-акция А. Монастырского «Поэтический мир» как концептуалистская реализация апофатической стратегии // Культурная жизнь Юга России: региональный научный журнал. – Краснодар, 2012. № 1 (44). С. 75-77.
3. *Татарина О.В. Функции образов морской стихии в мифопоэтике А. И. Введенского // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – №02(076). С. 103 – 112. – Шифр Информрегистра: 0421200012\0170, IDA [article ID]: 0761202009. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2012/02/pdf/09.pdf>.
4. Ивашкина О.В. «Логика бесконечного небытия»: философия экзистенциализма в диалоге с обэриутами // Литература в диалоге культур – 7: Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. С. 76-78.
5. Ивашкина О.В. Г. Сапгир и Л. Рубинштейн: кенозис языка / Современная литература: поэтика и нравственная философия / под ред. А.В. Татарина: сборник научных статей и творческих работ. – Краснодар: ZARLIT, 2010. С. 125-132.
6. Ивашкина О.В. Художественное преодоление симулякров в поэзии Г. Сапгира // Проблемы интерпретации художественного текста: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова / под ред. В.Е. Зиньковской, У.В. Новиковой; ГОУ ВПО Кубан. гос. технол. ун-т. – Краснодар: «Издательский Дом – Юг», 2010. С. 88-93.

7. Ивашкина О.В. Художественный апофазис в творческом методе ОБЭРИУтов // Сборник статей по материалам XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: МГУ, МАКС Пресс, 2010. ISBN: 978-5-317-03197-8. С. 624.
8. Татарина О.В. «Смерть автора» в поэзии русского концептуализма (на примере творчества Л. Рубинштейна) // Сборник научных трудов SWorld. По материалам международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011». Том 25. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2011. С. 86-89.
9. Татарина О.В. Эсхатологический «код» обэриутов в поэзии А. Герасимовой (Умки) // Современная поэзия: русская и зарубежная (сборник статей) / Под ред. А.В. Татарина. – Краснодар: ZARLIT, 2011. С. 130-135.
10. Татарина О.В. Онтология отрицания в поэтике московского концептуализма // Онтологический дискурс в современном филологическом пространстве: материалы Международной научнопрактической конференции. – Краснодар: КСЭИ, 2012. С. 214-220.
11. Татарина О.В. Особенности функционирования лексемы «бог» в художественном пространстве Д. Хармса // Художественная концепция личности в мировой литературе: материалы Международной научнопрактической конференции (25-26 сентября 2012 г.). – КраснодарАрмавир: РИО АГПА, 2012. С.169-173.
12. Татарина О.В. Рассказ О. Славниковой «Басилевс» в контексте эстетической практики Д. Хармса // Современная литература: писатели, тексты, идеи: сб. статей / отв. ред. А.В. Татарин. – Краснодар: ZARLIT, 2012. С. 80-86.
13. Татарина О.В. Творчество ОБЭРИУ как религиозно-философское явление // Язык. Личность. Культура: сборник научных трудов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2015. Книга 2. С. 353-357.